

МОСКОВСКИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

Тверская, 13-2004-10 апр. - с. 1-2

(Окончание. Начало на стр. 1)

Чуть позже там же вышли и другие мои вещи: «Дребезги», «Похоронен в селе». Я помню, как главный редактор Борис Николаевич Полевой, исправляя зеленым фломастером мою первую повесть, сказал мне такую фразу: «Старичок, то, что не напечатано, то не написано!» У Нагибина: «...не написано», а у Полевого: «...не напечатано». Это несколько другое. Вопрос бессмертия и важнейшего занятия... Чем больше пишешь, тем больше можешь написать.

А артистом я хотел быть с детских лет. До восьмого класса я ходил на курсы. В шесть лет ушиб коленку, врачи поставили неверный диагноз - туберкулез коленного сустава, потом оказалось, что это был остеомиелит. Я, конечно, чувствовал свою ранимость, и может быть, поэтому, после того как окончил школу с серебряной медалью, поехал в Москву учиться на актера.

Но просто так ничего не бывает. Должно же быть какое-то событие, подтолкнувшее вас к принятию такого решения.

Да, когда я учился в пятом или шестом классе, к нам приехал Бийский театр. На улице мороз, градусов 30 - 40. Клуб не отапливался, мы все сидели в пальто и полушубках, а артисты, раздетые, играли, очевидно, что-то из Гольдони. Эта красота меня покорила, и отвага, наверное, тоже. И вот приехал я в Москву без направления, поступил в ГИТИС на отделение артистов музыкальной комедии. Я играл на гармошке, аккордеоне, неплохо двигался, мог запросто «Яблочко» станцевать. Актерское мастерство в ГИТИСе преподавала мой любимый педагог Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф, ученица Станиславского. Она тогда параллельно работала в Театре им. Моссовета, была правой рукой Завадского. И она с первого курса (хотя я учился на музыковед и был опереточным кадром) говорила, что мое место в драматическом театре. И на четвертом курсе показала меня Завадскому, а на пятом курсе я уже стал работать в Театре им. Моссовета, куда и был принят после окончания ГИТИСа. Там я отработал сезон. Потом получилось так, что примерно полгода я работал в двух театрах: в Театре им. Моссовета и в только что открывшемся Театре на Таганке. И получал две зарплаты по 75 рублей.

Кстати, именно с первого сентября 1958 года, с первого дня моей учебы в ГИТИСе, я с легкой руки Ирины Сергеевны ежедневно записываю, что со мною и вокруг меня происходит.

Жил я тогда в общежитии на Трифоновской улице. И начал тогда записывать за собой и товарищами. Они садились, я писал. Под большой настольной лампой, которая до сих пор сохранилась. Я думаю, что эти вещи - жизнь и театр - неразрывны. Мы во что-то изначально играем, как актеры. Недаром говорится, что весь мир - театр, а люди в нем - актеры. И тогда это сильно почувствовал. Я догадался, что у каждого человека, как у актера на сцене, есть свой выход из своей жизни. Видимо, и в писателя я стал играть. Мне нравилось сидеть, писать, думать, покупать бумагу, искать чернила, перо, шариковых ручек тогда не было. Потом то, что записал, я стал прочитывать моим товарищам. И они слушали. А я гордился тем, что читал листки с текстом, сочиненным мною. События уже прошли, их нельзя было отмотать назад, как на магнитофоне или как кинолен-

такл. Играл там мой любимый актер Николай Мордвинов. Я в этой роли использовал все штампы, какие нарабатал на оперетте (моим дипломным спектаклем в ГИТИСе была оперетта «Летучая мышь», где я играл пьяного торешишца), а заикался, кривлялся. За этот эпизод я раза три-четыре срывал аплодисменты. А после спектакля Мордвинов пригласил меня зайти к нему в гримбулочную. Захожу, а он смотрит на меня в зеркало, я со спины его стою, и говорит: «Лицо-то какое хорошее». Зачин у него был такой. И потом продолжает: «Молодой человек, вы играете друга моего сына, а мой сын не дурак, а вы играете дурака». Я этот разговор очень хорошо запомнил. Он еще сказал: «Если бы вы были неспособным человеком, я бы, наверное, и не разговаривал, зачем? Но вы начинаете путь (это была его основная мысль), и надо сделать какие-то для себя выводы и не идти по линии легкого успеха». Это была такая замечательная беседа, урок, и я ему признателен чрезвычайно.

А на Таганке моя первая роль - Грушницкий в спектакле «Герой нашего времени». Роль Печорина играл будущий министр культуры СССР Николай Губенко. Сцена уэли. Печорин-Губенко целится в меня, и вдруг у его пистолета отваливается дуло и с грохотом падает на сцену! За кулисами бабахает фанерой помрежи, Губенко весь зеле-

Павлом I послужу русскому, отечественному искусству... Об императоре оном мною было передано, был он, оказывается, селянским разлучником, славным царем, много для отчества сделал за короткое свое несчастное правление...

Как бы там ни шло, я сыграл Павла I и обеспечил театру за кои-то веки аншлаги. Хейфиц, помню, одно важное признание сделал: «Теперь мы можем говорить откровенно - роль сыграна. Когда была названа твоя фамилия, встречено это было с восторгом. Но когда начал репетировать, многие потускнели... да, сыграет, но... И должен тебе сказать с полной откровенностью - ты победил. Ты выиграл по всем показателям, на все сто процентов. Ты победил партнеров... они стали твоими союзниками. В театре ведь ничего не скрывают, и все разговоры доходят до меня. Театр Российской армии - особый театр. Здесь есть живые традиции, здесь работают замечательные актеры... И ты хорошо вошел. Тебя приняли!»

Одним из последних спектаклей «До и после» Любимов как бы подвел итог сорока лет творческой жизни Театра на Таганке...

На сцене - «Черный квадрат» гениального Малевича. «Черный квадрат», как погасший экран компьютера. Потом он расцветает красными, белыми клоунами, бесчисленными пьеро и арлекинами. Трагедия черного передается через образ

Тогда и решил вложить часть денег в восстановление храма на родине, который разрушил и мой отец - предводитель комбеды. Мы создали общину и приступили к делу. Деньги постоянно съедались инфляцией, дефолтом. Десять лет назад я обратился по телевизору с просьбой о помощи - никто не дал ни рубля. Два года назад на мое новое обращение откликнулся развлекательный центр «Артбат», и мы закрыли крышу храма. Я плакал и молился от радости! А потом стали приходить люди, приносить деньги! Все-таки и люди, и страна изменились.

Но Церковь, как известно, не приветствует актерское лицедейство. Да, все это в прошлом! Многие наши священники так не думают. Мне на это хорошо ответил мой сын Денис, от моей первой жены Нины Сергеевны Шацкой, он священник - отец Дионисий (служит в Видном, у него пятеро детей): «Папа, твое ремесло - это топором можно хороший добрый дом срубить, а можно, наоборот, разрушить...»

А деньги на храм - это деньги на литературу. Я считаю, что церкви - это памятники литературе. И в начале было Слово. Библия - это литература. У литературы на вооружении есть Библия.

До сих пор ходят слухи о том, что вы якобы предали Высоцкого в истории со спектаклем «Гамлет»...

Эта история не стоит выведенного яйца. В любом

театре всегда есть второй состав. Был он и у Высоцкого, и у Золотухина. Раздул эту историю Эльдар Рязанов, который преподнес ее таким образом... Дело в том, что Любимов готовил свой театр к очередному серьезному фестивалю, а Володя, так сказать, заглянул, долго отсутствовал. Любимов решил подстраховаться и предполагал поручить роль Гамлета мне. Я сказал, что так нельзя, что нужно официально вывесить приказ. Тогда Юрий Петрович приказом назначил другой полный состав. Не одного меня. Надо знать театр: какой же актер в мире откажется от роли Гамлета? Приезжает Высоцкий, ему говорят: иду репетиции, и удачные. Володя конечно же, и это нормально, обиделся. Надо знать его характер - он не раз говорил мне: «Для меня на свете нет ни жен, ни денег, ни баб, есть только друзья!» Таким образом, Любимов добился своего: Высоцкий стал ответственнее относиться к спектаклю. Гамлета я на Таганке не сыграл, но сыграл у Аникста на телевидении. Когда же Рязанов рассказывал на телевидении, как «травил» Высоцкого, то получалось, что вот он, гад, «травивший» Володю! Ужас! Я решил: придет Рязанов на Таганку, плюну ему в рожу. И случилось так, что приезжает он на премьеру моего «Живого», где я играл Кузькина, и после спектакля идет ко мне, обнимает, целует, говорит: «Гениально!» Не плюнул.

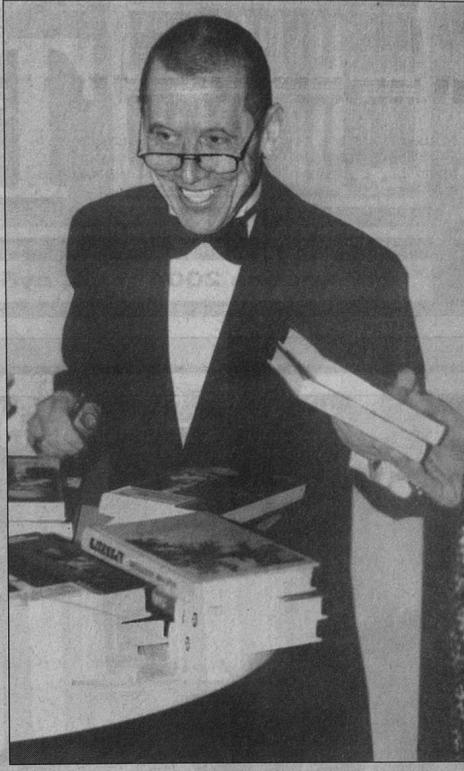
комы, здороваемся, он приходит к нам, потому что на Таганке работают его ученики, он долгое время возглавлял Шукшинские училища. Но чтобы он специально нашел мой телефон, позвонил и сказал: «Ты меня позвонил, это такая работа, это такое же настоящее, все правда, я верю всемо...» В общем, он такого наговорил, что я очень возгордился, потому что получить такую оценку от такого мастера дорогого стоит. Я ему чрезвычайно благодарен, потому что ведь с каждой ролью ты сдаешь какой-то экзамен, а тем более такой публичный, когда это видит миллионы.

Любимов относится к кино, как к третьесортному искусству, он ревнует к этому. Но он понимает и ценит, если хорошо поработано. Я сыграл и «Моцарта и Сальери», там есть такие гениальные слова: «Ремесло поставил я к подножию искусства». Но это ремесло нужно каждый день оттачивать и поддерживать.

Меня долгие годы после выхода «Бумбараша» звали Бумбарашем, а сейчас зовут Хали-гали, значит, удача. Бабочкин страдал оттого, что он был Чапаевым, хотя играл роли гораздо интереснее и лучше, но когда фотографировался, его просили: «Надень папаху, налей усы, возьми шапку». Это издержки нашей профессии, ничего не поделаешь.

Что, по вашему мнению, будет с театром в XXI веке? Разве есть у Любимова, Ефремова, Гончарова достойные преемники?

Я прагматик. Любимову 86 лет. Ни у Станислава-

кого, ни у Мейерхольда, ни у Таирова, ни у Любимова учеников быть не может! Когда уходит лидер, надо начинать все сначала. И надо ждать нового лидера и понимать, что он начнет не с Золотухиным. Да, Любимов создал великий театр. Но всему свое время, и он успел в свое время. Мы до сих пор делаем хорошие спектакли. Но нельзя создавать шедевры вечно. Так устроена природа. Наши зрители и наши драматурги ждут нас уже в другом месте...

Я напомню слова из «Эклезиаста»: «Не говори, отчего это прошлые дни были лучше, не от мудрости ты это говоришь».

Я - христианин, человек верующий, но сказать «верующий» - это слишком самонадеянно. Но во всяком случае хочу быть верующим, потому что верю и в Рождение Христа и в Его Воскрешение. Как-то я играл Пелла и Луку и сначала спрашивал у Луки: «Скажи, Бог есть?» Горький так говорит: во что веришь, то и есть. Если веришь - есть, не веришь - нет. Я думаю, веришь или не веришь, он, Бог, есть.

Я начал с веры. Меня сын упрекает: «Пап, ты и верующий, и оуберный, а это несовместимые понятия». Но так человек устроен, он перекрестится, когда кошка дорого переберется, плетет через плечо, потом, возвращается, человеку ведь хочется блага для себя, поэтому он и в Бога верит, и в черта, лишь бы спастись, как ему кажется. Прогнозы я очень внимательно изучаю. В горокопии не верю, но на всякий случай в какие-то ненастные дни думаю: раз этот день плохой, не буду ничего делать. Но тут же забываю и еду в театр, мороз. Трудно жить согласно прогнозам и горокопам...

А вы часто проводите свои творческие вечера? Довольно часто, потому что в этом тоже зарабатываю. А прошедшая недавно в ЦДРИ презентация книги, тираж которой мы с вами разгужали, - это материально никак не поддержано, это для себя и для друзей. Кто-то прочитает, может быть, вдруг кто-то откликнется добрым словом или недобрым, сейчас уже все равно. Раньше как-то хотелось, чтобы тебя похвалили, а теперь - лишь бы заметили. Даже если рецензия твоего труда будет для тебя неприятной, все равно - ведь увидели, написали. Людям искусство необходимо внимание, ведь, как правило, они подвержены и сомнениям, и самооценке того, что делают.

О чем вы мечтаете? Я мечтаю о том, чтобы на Алтае, в Барнауле, был построен театр. Дело в том, что с октября 2003 года я художественный руководитель Барнаульского театра молодежи. Они меня попросили стать им, потому что три года назад им отдали здание в аварийном состоянии меланжевого комбината. Оно стоит бесхозным уже три года, на него, конечно, коммерсанты нацеливаются, но это государственное имущество, да и потом это памятник архитектуры, их и советского надо построить театр. Мечтаю о том, чтобы мой пресловутый роман «21 километр» был все-таки написан. Еще хочу сам рассказать «Сказку о рыбеке и рыбеке» Александра Пушкина. В ней проглядывается вся трагедия Пушкина. Причем она ведь нерифмованная, это как белый стих, и мне кажется, что это на самом деле драма.

СОСЧИНИТЕЛЬ И ДИЩЕДЕЙ

ту, а я опять показываю эти события, запечатленные моей рукой, вот в чем фантастика, жизнь оживала на простых листках...

Вы пробовали себя и в журналистике?

А что было делать? Стипендия в ГИТИСе была очень маленькой. И я, чтобы немного подзаработать, решил попробовать себя в журналистике. Первая в этом смысле проба пера была в 1961 - 1962 годах - рецензия на «Первую симфонию» Дмитрия Шостаковича, которую, к слову, я тогда не слышал. Мой друг отнес ее в газету «Вечерняя Москва», статью поставили в номер, но гранки попались на глаза какому-то музыкальному критику, он схватился за голову! Что за бред! Так как я учился на отделении мюзкомедии, то хорошо знал музыкальную терминологию. Внешне все было пристойно. Статью с полосы сняли, но заметили, что у этого шелкопера бойкое перо, и просили не упускать меня из виду. Потом я публиковался в «Дагестанской правде», «Магаданской

ИЗ ДОСЬЕ

Валерий Сергеевич ЗОЛОТУХИН родился 21 июня 1941 года в селе Быстрый Исток Алтайского края. Окончил отделение музыкальной комедии ГИТИСа имени А.В. Луначарского. Сорок лет работает в Театре драмы и комедии на Таганке под руководством Юрия Любимова. Снял более чем в тридцати кинофильмах. Как писатель деятельности в журнале «Юность» в 1973 году повестью «На Исток речушки к детству моему» и в журнале «Аврора» рассказом «Иван, полка и карьера». В 2003 году вышел его двухтомник «Таганский дневник». Всего написал девять книг. Народный артист России. Член Союза писателей Москвы, кавалер многих орденов и медалей.

Правде». Получал пять рублей, а за очерк «Колыма» - 30, что было больше моей стипендии.

Шло время, я все также продолжал писать каждый день. Но потом обнаружил, что стал записывать не только то, что я вижу, слышу, но и из меня выскакивают слова, мысли не мои, а исходящие откуда-то из самых неведомых глубин, как бы из подсознания, фразы, мысли. Одно слово цепляется за другое...

А театр на Таганке был в этом смысле литературным институтом. Писали все: Высоцкий, Сметхов, Демидова, Золотухин... Это бурлило! В связи с этим я вспомнил один случай. Однажды Высоцкий спросил у Эрдмана: «Николай Робертович, вы пьесу пишете? Тот ответил: «Вам скажи, а вы кому-нибудь доложите. А вы пьесы пишете?» Высоцкий: «Пишу. На магнитофон». Эрдман: «А я - на века». Это было при мне, и я еще раз убедился в точности мысли Андрея Платонова, который как-то сказал: «Слово - игрушка горячая».

Какие первые роли сыграли вы в Театре им. Моссовета и в Театре на Таганке?

Моя первая роль в Театре им. Моссовета - это роль футболиста Сергея Чукина в спектакле по пьесе Исидора Штока «Ленинградский проспект». Замечательный, кстати, был спек-

Анны Ахматовой. Черные «маруси» НКВД. Мандельштам: «Только детские книги читать, только детские думы лелеять...»

В таком спектакле нельзя сказать, что кто-то кого-то играет. Это поэтическое представление. В нем нет ролей кого-то, но там есть роли за кого-то. Я играю эпизод за Сологубу, но так как все в белых масках и в белых перчатках, то это условное решение. Потом за Чехова и в финале за Бродского. Звучат стихотворения Сологубы, какой-то фрагмент разговора Чехова с Бунинным, то есть это бриколаж поэзии Серебряного века. Я читаю фрагменты Нобелевской речи Бродского, где для меня очень важны слова, которые он говорит: «Я не призываю к замене государства библиотекой, но я не сомневаюсь, что, выбирая мы наших властителей на основании их читательского опыта, на Земле было бы меньше горя. Наиболее тяжким преступлением является не преследование автора, не предание книг костру, а пренебрежение книгами, их нечтение. Если это преступление совершается, она платит за это своей историей. Я говорю именно о чтении, а не о грамотности. Ленин был грамотен, Сталин и Гитлер тоже, но список их жертв далеко превышает список ими прочитанного. В трагедии гибнет не герой, гибнет хор. И идут пиллигримы».

Валерий Сергеевич, известно, что вы на свои гонорары от книг стали строить в родном селе храм...

Да, после выхода моего первого сборника повестей и рассказов «Дребезги» тиражом 150 тысяч экземпляров я получил солидный гонорар.

Беседу вел Лев РУДСКИЙ. Фото автора